

КНЯЖНА ТУРКЕСТАНОВА

Фрейлина Высочайшаго двора.

Ла-Брюеръ говоритъ „Дворъ такое мѣсто, гдѣ горести существуютъ, но скрыты отъ всѣхъ, а удовольствія у всѣхъ на виду, но онѣ призрачны“. Эта жизнь не даетъ счастья и мѣшаетъ, разъ познакомишься съ нею, найти его гдѣ-либо.

Примѣръ княжны Вари Туркестановой можетъ служить однимъ изъ многочисленныхъ подтвержденій этого мнѣнія¹⁾.

Красивая, обаятельная, одаренная тонкими чувствами и умомъ, она заплатила ужасными страданіями за успѣхи тамъ, гдѣ все снаружи блестяще, но гдѣ горечи неизбѣжны.

Одаренная нѣжнымъ сердцемъ и чувственной природой—наслѣдіемъ восточнаго происхожденія²⁾—княжна была создана къ другой жизни, къ которой ее постоянно тянуло, несмотря на все торжество ея тщеславія и самолюбія. Она сама пишетъ по этому поводу: „Я не только не довольна тѣмъ, что ко мнѣ благоволятъ, но огорчена

1) Княжна Туркестанова родилась 20 Мая 1775 г. Авторъ этой работы обязанъ генералу отъ кавалеріи графу Алексію Васильевичу Олсуфьеву, давшему ему идею ея, доставленіемъ самыхъ важныхъ по этому предмету документовъ. Княжна Туркестанова была родственницей Олсуфьевыхъ, будучи дочерью одной изъ двоюродныхъ сестеръ Дмитрія Олсуфьева, московскаго предводителя дворянства, и, слѣдовательно, она приходилась двоюродной сестрой Василю Олсуфьеву, будущему графу и гофмаршалу двора Императора Александра II, отцу графа Алексія Васильевича. Княжна Туркестанова, осыпанная милостями, оказывала покровительство своему младшему двоюродному брату, тогда гвардейскому гусарскому поручику.

2) Туркестановы персидскаго происхожденія.

имъ. Съ другой стороны, покинуть Дворъ и отправиться—куда?... Неизвѣстно... Увы, судьба не благосклонна ко мнѣ...“ Она часто возвращалась къ этой мысли. „Возможно, что это путешествіе (по Россіи) я дѣлаю только для того, чтобы найти спокойную пристань, у которой вздохнетъ моя душа; но когда, въ какой годъ, въ какой день!“

Иностранка, madame де Нуазевиль имѣла глубокое вліяніе на нравственное и уметвенное развитіе княжны Туркестановой. Послѣ 1793 года у эмигрантовъ въ Россіи появилась своего рода специальность—специальность воспитателей, такъ какъ, за исключеніемъ Лавалей, Сень-При, Полиньяковъ¹⁾ и нѣсколькихъ другихъ, сохранившихъ состояніе или занимавшихъ офиціальныя должности, многимъ изъ нихъ приходилось зарабатывать учительствомъ горькій хлѣбъ изгнанія въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ Имперіи. Принадлежа большею частью къ высшему обществу, они, конечно, распространяли вокругъ себя свои взгляды и нравы.

Жены эмигрантовъ тоже занимались воспитаніемъ. Къ числу ихъ принадлежала и изящная госпожа де Нуазевиль, и по рожденію и по образованію, особа высшаго круга; одаренная практическимъ умомъ, она скоро стала во главѣ всей интимной жизни семьи, куда вступила воспитательницей. Хозяйка дома, жена князь Бориса Голицына отличалась многими странностями²⁾; но если она не была въ состояніи исполнять обязанности матери семейства, то княжнѣ Туркестановой, которую она пріютила у себя, какъ сироту³⁾, не пришлось страдать отъ того, благодаря доброй и умной женщицѣ, направлявшей воспитаніе ея и ея трехъ двоюродныхъ сестеръ, другомъ которыхъ она осталась до послѣдняго дня. При своей отзывчивой душѣ и стремленіи къ идеалу въ противоположность, можетъ быть, слишкомъ страстному темпераменту, „этому темпераменту, что есть воображеніе тѣла“, будущая фрейлина, скорѣе всякой другой, должна была проникнуться духомъ гуманности и высокой добродѣтели, подъ вліяніемъ котораго прожила свои молодые годы и свидѣтельствомъ

1) У герцога Полиньяка даже были большія имѣнія въ Россіи (Письмо княжны Туркестановой къ Крестину отъ 11 сентября 1817 г.).

2) Ея старшая дочь княгиня Куракина въ минуту религіозной экзальтаціи сожгла себѣ руку на жаровнѣ, вслѣдствіе чего пришлось сдѣлать ампутацію. „Поведеніе М-не де Нуазевиль въ этомъ случаѣ восхвалялось всѣми“—пишетъ княжна Туркестанова Крестину. Позднѣ княгиня Куракина сошла съ ума.

3) Дома воспитаніе княжны было начато нѣмкой г-жей Эверсъ, къ которой она была очень привязана.

чего служатъ ея прелестныя письма, проникнутыя всѣмъ обаяніемъ переписки французенки XVIII вѣка*).

Среда, гдѣ выросла княжна Туркестанова, была средой аристократіи, богатой и могущественной, насколько это возможно при наиболѣе полномъ самодержавіи во всемъ мірѣ. „Дворянство“, жившее въ Москвѣ въ началѣ прошлаго столѣтія, кичилось политической независимостью, сравнительно съ петербургскимъ; впоследствии тамъ образовывались вліятельныя литературныя кружки, гдѣ общество всегда веселилось. Великій переворотъ „Освобожденія“, реформа необходимая, но выполненная съ неописуемымъ легкомысліемъ и неразборчивостью—еще не разорила, чтобъ не сказать, уничтожила, дворянство; это не пошло на пользу и крестьянству, обѣднѣвшему вслѣдствіе реформы не меньше своихъ господъ. Княгиня Вогіс принимала весь городъ, и также Дворъ, когда Государь и Государыня бывали въ Москвѣ; изъ ея трехъ дочерей одна стала знаменитой красавицей; всѣ сдѣлали блестящія партіи и при такихъ двоюродныхъ сестрахъ, Варя Туркестанова, несмотря на всю свою привлекательность и своеобразность, оставалась нѣсколько въ тѣни.

Не будучи въ состояніи показать себя съ полнымъ достоинствомъ, испытывъ даже, можетъ быть, нѣкоторые уколы самолюбія, какъ невѣста-безприданница—что, впрочемъ не озлобило и не раздражило ея—очень понятно, что она была чрезвычайно довольна, когда въ 1808 г. была назначена ко Двору. Эта перемѣна въ ея существованіи раскрывала передъ ней новыя и многообѣщающіе горизонты. Ея дѣтство было печально: между сестрами и ею не было близости, и за исключеніемъ тетки старухи Арсеневой, у нея не было близкихъ родственниковъ. Между тѣмъ она вела въ Москвѣ, въ богатомъ домѣ Бориса Голицына, исполненномъ безпорядка и пустяковъ, свѣтскую жизнь, полную развлеченій, и только г-жа де Нуазевиль давала среди окружающей пустоты серьезное направленіе ея мыслямъ и невольно своей набожностью увлекала ее къ католицизму. Когда она стала фрейлиной, ей уже исполнилось тридцать три года, но красота ея еще была въ полномъ расцвѣтѣ.

„Княжна Туркестанова отличалась большимъ умомъ, развитымъ серьезнымъ образованіемъ, прекраснымъ характеромъ и увлекающейся,

*) Эмиль Гоманъ приводитъ нѣсколько этихъ писемъ въ своемъ сочиненіи „La culture française en Russie 1705—1900. Paris, librairie Hachette. 1882 г.

Въ Русскомъ Архивѣ была помѣщена часть переписки Княжны Туркестановой съ Кристиномъ, а съ 1912 г. Русскій Архивъ началъ печатаніе этой переписки полностью. Въ Январской книжкѣ помѣщена обстоятельная статья барона Будберга, служащая предисловіемъ къ этимъ письмамъ.

нѣсколько фантастической натурой, которой ея азіатское происхожденіе придавало всю прелесть восточной женщины¹⁾. Во взглядѣ ея и манерахъ было много живости и чего-то не совсѣмъ обыкновеннаго, что, сдерживаемое прекраснымъ воспитаніемъ, дѣлало ее личностью весьма замѣчательной по уму и обаятельности обращенія...“ Она обладала способностью становиться истиннымъ чудомъ, т. е. одѣваться съ чрезвычайнымъ вкусомъ и изяществомъ“²⁾.

*

Нѣсколько лѣтъ прошло прежде, чѣмъ княжна заняла видное мѣсто при дворѣ. Императрица Елизавета, столь тонкаго ума, столь мѣткая въ своихъ сужденіяхъ³⁾, не сумѣла оцѣнить сразу княжну, хотя она, казалось, была создана, чтобы нравиться ей, какъ по своему умственному развитію, какъ по нѣжности сердца; но глубокое горе отъ невѣрности мужа, которое она таила въ душѣ, вѣроятно, слишкомъ поглощало молодую государыню, чтобъ она желала себѣ создавать новыя связи въ средѣ, гдѣ ее недостаточно цѣнили.

Императоръ все еще находился подъ обаяніемъ красавицы Нарышкиной⁴⁾. Императрица-мать впослѣдствіи осыпала Варю Туркестанову своими милостями и окончательно приблизила ее къ себѣ. Дворъ вдовствующей государыни—въ противоположность обыкновенному порядку вещей—составлялъ самый интересный и дѣятельный центръ въ Имперіи. Императоръ, не заблуждаясь относительно недалежнаго ума своей матери⁵⁾, оставался силой вещей подъ ея вліяніемъ, вслѣдствіе ужасной смерти Павла I, часть отвѣтственности за которую падала на него, что нравственно ставило его въ зависимость отъ вдовы убитаго государя. „Александръ не принималъ никакого рѣшенія, не предпринималъ никакого политическаго шага, не совѣтовалъ съ матерью, хотя часто встрѣчалъ съ ея стороны противорѣчіе“.

Положеніе, въ какое умѣла себя поставить эта хитрая Вюртембергская принцесса, уменьшало вліяніе царствующей императрицы, и не только привлекало къ ней всѣхъ честолюбцевъ, искавшихъ власти,

1) Замѣтка барона Будберга (бывшаго посла въ Парижѣ).

2) Замѣтка Кристина къ его перепискѣ съ княжной Туркестановой.

3) Доказательствомъ можетъ служить ся пронцательный—можно сказать пророческій—взглядъ на великую ошибку этого царствованія—военныя поселенія. Она также желала для Россіи конституціи.

4) Нарышкина была полька, рожденная княжна Четвертинская.

5) Онъ говорилъ о ней: „Какія глупости дѣлаетъ матушка! Она вовсе не умѣетъ держать себя“.

но къ ея двору—какъ вода стекается къ рѣкѣ—стекалось все, что было наиболѣе выдающагося умственно среди представителей пetersбургскаго общества. Въ этомъ высшемъ свѣтѣ успѣхъ княжны Туркестановой былъ полнымъ. Та среда, гдѣ теперь пришлось вращаться новой фрейлинѣ, имѣла совершенно иное значеніе, чѣмъ московская, но княжна всегда умѣла въ совершенствѣ выполнить свою роль: обладая безупречнымъ тактомъ, услужливая безъ навязчивости въ отношеніи государыни, вѣжливая и внимательная къ своимъ подругамъ по дежурству и къ посѣтителямъ, она, кромѣ того, обладала искусствомъ создавать себѣ многочисленныхъ друзей внѣ своего круга, во главѣ которыхъ надо поставить француза—графа Рибоьера¹⁾).

Она открыто предпочитала честную дружбу мужчинъ менѣе надежному женскому расположенію и откровенно признается въ этомъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, гдѣ говоритъ о коварствѣ и зависти, часто одушевляющихъ представительницъ ея пола.

При полученномъ ею воспитаніи и природной обходительности, она привлекала къ себѣ эмигрантовъ, изъ которыхъ многіе посѣщали ея гостинную, не пугаясь ста тринадцати ступеней, на которые приходилось взбираться, чтобы достигнуть ее небольшой квартиры въ Зимнемъ дворцѣ. Среди нихъ графъ Модень²⁾ былъ однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ завсегдатаевъ. Изъ большого числа всей французской знати, имена которой гремѣли по Россіи въ это время, онъ принадлежалъ къ небольшому числу тѣхъ, которые окончательно поселились въ странѣ, гдѣ они нашли себѣ пристанище. Фамилія Модена не сохранилась, такъ какъ у него не было сына. Онъ состоялъ въ родствѣ съ одной знатной русской семьей, какъ многіе изъ его соотечественниковъ въ то время. Княжна Туркестанова пишетъ по этому поводу: „Перейдемъ къ нашему герою Ланжерону; скажу вамъ, что онъ одержимъ маніей жениться во что бы то ни стало. Развѣ онъ не отравилъ графиню Діану де Полиньякъ, чтобъ предложить себя княгинѣ Борисъ, даже не указывая, которой изъ ея дочерей онъ дѣлаетъ предложеніе. Онъ, кажется, готовъ взять все что угодно, лишь бы дали“.

Габріель Модень былъ красивымъ образцомъ жантильома стараго режима и простился съ Франціей не безъ сожалѣнія. Княжна Турке-

1) Швейцарскаго происхожденія, по словамъ Кристина.

2) Онъ былъ женатъ на графинѣ Салтыковой и умеръ въ 1833 г. Его дочь Софія была замужемъ за княземъ Валентиномъ Шаховскимъ, свекромъ автора этой статьи.

становя писала Крестину по возвращеніи Модена изъ Парижа, куда онъ ѣздилъ послѣ Реставраціи: „Моденъ возвратился изъ своей поѣздки, разгоряченный и загорѣлый, но вернулся такимъ же французомъ, какимъ только возможно быть. Онъ мнѣ много рассказывалъ про Парижъ, который былъ чрезвычайно радъ снова увидѣть¹⁾. Король и принцы отнеслись къ нему великолѣпно. Этотъ добрый король, по словамъ Модена, дѣйствительно пользуется любовью, но члены его семьи живутъ между собой, какъ кошки съ собаками. Герцогиня Ангулемская хочетъ вмѣшиваться во все, вслѣдствіе чего иногда впутывается въ сплетни, вовсе неприличныя женщиѣ ея положенія. Герцогиня Беррійская не умѣетъ сказать двухъ словъ кряду; это невоспитанная дѣвочка... Когда я думаю о нашихъ княжнахъ, нельзя не согласиться, что онѣ изумительно воспитаны, и что М-ме Ливенъ лучшая воспитательница въ мірѣ. Напримѣръ, я видѣла какъ великая княжна Анна²⁾, тринадцати лѣтъ, вела пріемъ... Болѣе ста человѣкъ въ гостинной, и она обращалась къ каждому съ непринужденностью тридцатилѣтней женщины, привыкшей къ обществу. Я думаю, что не имѣй Моденъ такой жены, какой ее создало Небо, онъ былъ бы радъ вернуться въ Парижъ....“ Правда, эта жена, обожавшая своего мужа, не была при всей своей знатности, представительна.

20 мая княжна Туркестанова пишетъ снова:

„Моденъ назначенъ гофмаршаломъ *ad interim*.... Хотя онъ недоволенъ, я, признаюсь, въ восторгѣ отъ подобнаго пріобрѣтенія. Онъ заходитъ ко мнѣ послѣ обѣда; онъ неистощимъ, когда говоритъ о Франціи, и рассказываетъ самыя интересныя вещи на свѣтѣ.... Моденъ все видѣлъ—въ кружкѣ общества, между прочимъ кружокъ сенъ-жерменскаго предмѣстья, прозванный „*exagerés*“, и затѣмъ людей новаго режима. Не могу скрыть отъ васъ, что онъ нашелъ среди нихъ людей очень умныхъ, достойныхъ и чрезвычайно пріятныхъ... Онъ мнѣ рассказывалъ о частыхъ спорахъ Ростопчина съ М-ме де Сталь, въ которыхъ побѣда всегда оставалась на его сторонѣ“...

Императрица Александра Ѳеодоровна жена Николая I, въ то время великая княгиня, пишетъ въ своемъ дневникѣ: „Мы какъ нельзя болѣе довольны Моденомъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ замѣнилъ Кирилла Нарышкина³⁾: изысканныя манеры стариннаго Версальскаго двора, изящный тонъ, даже въ шуткахъ; любезенъ безъ низкопоклонства. Онъ все

¹⁾ Письмо отъ 3 февраля 1817.

²⁾ Будущая королева Нидерландская.

³⁾ Гофмаршалъ великокняжескаго двора.

устраиваетъ чудесно; единственно, въ чемъ можно упрекнуть его, это нѣкоторая щепетильность“....

Онъ умеръ, окруженный всеобщимъ уваженіемъ. Булгаковъ писалъ по этому поводу своей дочери, княгинѣ Долгоруковой¹⁾.

„....Подробности смерти Модена трогательны: онъ умеръ истиннымъ христіаниномъ, съ твердостью; вся императорская семья пріѣзжала прощаться съ нимъ, даже Наслѣдникъ, которому онъ далъ добрые совѣты, пользуясь правомъ каждаго человѣка, готоваго предстать передъ Господомъ“..

Этотъ иностранный аристократъ былъ для княжны Туркестановой—при пріѣздѣ ея въ Петербургъ—драгоценнымъ руководителемъ на зыбкой почвѣ, куда она ступала впервые, и которую онъ, въ качествѣ стараго придворнаго, зналъ лучше всякаго другого. Ему нравилось бывать у нея, гдѣ образовался центръ единенія эмигрантовъ „ничему не научившихся и ничего не позабывшихъ“. Ее связывали съ ними умственные склонности и общіе вкусы, особенно склонность къ блестящему разговору, и она часто проникалась ихъ взглядами, иногда невѣрными и поверхностными. Это стало очевиднымъ, нѣсколько лѣтъ спустя, когда была объявлена война съ Франціей, изъ ея мнѣнія „о измѣнникѣ Моро“, перешедшемъ въ русскій генеральный штабъ. Это легкомысленное мнѣніе находится въ полномъ несоотвѣтствіи съ ея обычной прозорливостью.

„....Должно быть г-жа Моро соскучилась въ Америкѣ“,—писала она 3 іюня 1818 г. Съ другой стороны вліяніе окружающей среды не помѣшало ей оставаться горячей патріоткой, немного ослабленной, судя по чувствамъ, которыя она высказывала въ продолженіе своего неудачнаго путешествія²⁾.

По поводу появленія Моро она пишетъ:

„У меня кровь закипаетъ, когда я слышу, какъ радуются, что подобный иностранецъ можетъ считаться освободителемъ Россіи“.

¹⁾ Письмо А. И. Булгакова къ дочери. „Русскій Архивъ“ 1896 г. стр. 350—361.

²⁾ Дневникъ путешествія княжны Туркестановой, въ 1818 г. 8 ноября (Русскій Архивъ)... „Какъ быстро промелькнуло время въ Брюсселѣ. Я буду сожалѣть о немъ, когда мы очутимся въ этой Германіи (sic), но думаю, что вскорѣ все забуду, когда вернемся въ нашъ дорогой Петербургъ, который я предпочитаю всѣмъ городамъ, несмотря на его 25 градусные морозы“.

Западная культура, усвоенная княжною, немало способствовала созданію ей положенія при Дворѣ, гдѣ еще витало воспоминаніе о Великой Екатеринѣ и энциклопедистахъ, хотя въ началѣ она и была далека отъ того, чтобы собрать вокругъ себя, то, что называлось тогда „bureau d'esprit“. Скорѣе, она съ увлеченіемъ совершенно молодой дѣвушки, на какую походила по внѣшности, предавалась свѣтскимъ удовольствіямъ, появляясь то въ одной, то въ другой гостиной, пользуясь каждой свободной минутой, чтобы дѣлать визиты, зимой въ городѣ, лѣтомъ въ его окрестностяхъ, не считая развлеченій, обязательныхъ по должности: любительскихъ спектаклей — гдѣ она талантливо исполняла роли субретоковъ, — баловъ, вечеровъ, на которыхъ она присутствовала по обязанности, внося, однако, въ нихъ совершенно своеобразный восторгъ. Это однако, не мѣшало ей продолжать свое умственное образованіе, напримѣръ, она собиралась учиться по латыни и отказалась отъ этой трудной задачи только по совѣту Кристины. Надо отмѣтить, что свѣтскія женщины ея времени въ Россіи стояли выше современныхъ. Княжна Туркестанова не была единственной между фрейлинами, отличавшимися своимъ умомъ: дѣвица Росетти, графиня Моденъ, дочь графа Габріеля, ея друга, хотя появились при Дворѣ позднѣе княжны Туркестановой, но заслуживаютъ быть упомянутыми рядомъ съ нею. Роксана Струдза была глубокимъ знатокомъ богословія; Александрина Росетти дружила съ поэтами Пушкинымъ и Жуковскимъ: выдающіеся писатели собирались въ ея маленькомъ помѣщеніи въ Царскомъ Селѣ. Софія де Моденъ была блистательна въ разговорѣ, и это было одинаково оцѣнено въ гостинныхъ Петербурга, Берлина и Парижа.

Между тѣмъ, событіе вѣка, нашествіе — приближалось... Можно себѣ представить волненіе при Дворѣ, безпокойства, трепетныя надежды, когда узнали, что Наполеонъ перешелъ Нѣманъ. Но, несмотря на все, это былъ чудный моментъ въ Россіи — эти дни ожиданія, еще не предвѣщавшіе побѣды, но дававшіе чувствовать силу противленія народа, начиная съ перваго дворянина и до послѣдняго крестьянина готовыхъ до смерти защищать свои очаги.

Ненависть къ „корсиканскому людоѣду“ нашла себѣ отзвукъ въ сердцѣ княжны Туркестановой, раздѣлявшей чувства своихъ друзей-французовъ противъ „притѣснителя“, „апокалиптическаго чудовища“, но въ ней это чувство проявлялось съ чисто женской горячностью. Кромѣ того въ салонѣ императрицы Маріи было принято анаэематствовать Бонапарта. Извѣстно, какое сопротивленіе встрѣтилъ со стороны матери

проектъ брака великой княгини Екатерины Павловны съ Императоромъ Наполеономъ; всѣ просьбы сына не побудили ее уступить.

Славная война отразилась и на личной судьбѣ Вари Туркестановой. Общественный переворотъ, вызванный катастрофическимъ уничтоженіемъ Москвы, привелъ къ сближенію фрейлины съ человѣкомъ рѣдкаго ума и душевныхъ качествъ, которое при нормальномъ порядкѣ вещей было бы невозможно,—столь различны были ихъ общественныя положенія.

Въ 1813 г. княжна Туркестанова получила отпускъ, чтобы пови-даться съ своей теткой Арсеньевой, вернувшейся въ Москву послѣ общаго бѣгства дворянства.

„Старые обитатели искали подъ пепломъ остатковъ своихъ бывшихъ жилищъ. Недостатокъ во всемъ, дававшій себя чувствовать въ разоренномъ городѣ, въ которомъ въ это время насчитывалось всего пятнадцать (!) собственныхъ экипажей, заставлялъ людей, которые иначе никогда бы не познакомились, сходиться очень близко подъ вліяніемъ общаго бѣдствія. Живая надежда одушевляла всѣхъ; жили въ развалинахъ, нуждаясь въ самыхъ примитивныхъ удобствахъ жизни, но каждый день получали извѣстія о успѣхѣ нашего оружія и гибельномъ отступленіи французовъ. Всѣ чувствовали себя избавленными навсегда отъ ужаснаго вторженія, чуть было не погубившаго Россію и, вѣроятно, отодвинувшаго бы ее и на сто лѣтъ назадъ, если бы нетерпѣніе Наполеона позволило бы ему дождаться на Днѣпрѣ весны 1813 г., чтобы проникнуть въ сердце Россіи, и если бы онъ въ это время отдѣлилъ Польшу, давъ ей короля и возстановивъ ее древнюю самостоятельность.

„Опасности, которымъ подвергались и которыхъ избѣгли чудеснымъ образомъ, открывали всѣ сердца; среди лишеній жили весело и служили молебны на еще дымящихся развалинахъ“¹⁾.

При такихъ то обстоятельствахъ Варя Туркестанова встрѣтилась съ Фердинандомъ Кристинимъ, занявшимъ съ этого времени первенствующее мѣсто въ ея существованіи. Со времени ихъ перваго свиданія въ Москвѣ между ними началась правильная переписка; они аккуратно писали другъ другу два раза въ недѣлю письма,—совершенно непринужденныя и полныя дружескаго довѣрія со стороны женщины—и носящія отпечатокъ мужественной заботливости и нѣжной преданности со стороны мужчины.

*

Кристинъ, попавшій въ Россію совершенно случайно, поселился здѣсь навсегда, благодаря сердечной привязанности²⁾. Онъ познакомился

¹⁾ Предисловіе къ перепискѣ Кристина и княжны Туркестановой барона Будберга.

²⁾ Записки Вигеля.

въ Москвѣ съ графиней де Брольи¹⁾), вдовой князя Александра Трубецкого, вторично вышедшей замужъ за негодяя-эмигранта. Она была очень красива и несчастна; ея мужъ, между прочими своими неблагоприятными продѣлками, пользовался ея красотой, чтобы привлекать гостей въ игорный притонъ, устроенный у себя. Вернувшись впоследствии во Францію, онъ совершенно покинулъ жену.

Любовь, которую она внушила Кристину, несмотря на свой ограниченный умъ, капризы и меланхолю, не охладѣла; онъ ей завѣщаль свое скромное, нажитое добрымъ трудомъ состояніе, вслѣдствіе чего утерялись его записки и чрезвычайно интересная переписка, между прочимъ, съ г-жей Сталь;—глупая особа, которой онъ завѣщаль свои бумаги, нашла лучшимъ ихъ уничтожить. Весь романъ его жизни былъ брошенъ въ огонь, какъ негодный хламъ... „Но все, что ему приходилось переносить отъ непониманія и некультурности женщины, съ которой онъ былъ неразрывно связанъ, заставляло его еще больше цѣнить выдающійся умъ княжны Туркестановой и привлекательность ея мягкаго характера. Въ домѣ графини Брольи онъ былъ хозяиномъ, хотя и не жилъ тамъ“...—пишетъ Вигель. Онъ не былъ французомъ²⁾), но воспитывался во Франціи, въ іезуитской коллегіи. Въ молодыхъ годахъ онъ получилъ мѣсто секретаря при Колоннѣ. Онъ видѣлъ начало революціи. Въ Кобленцѣ его услугами пользовались братья Людовика XVI и, главнымъ образомъ, графъ Артуа. Нѣсколько разъ онъ, переодѣтый, совершалъ путешествія въ Парижъ; рискуя жизнью, онъ проникъ въ Тюилери, чтобы передать письма королю. Эtiquette, въ сущности, не существовало; Кристинъ запросто разговаривалъ съ Королемъ, Королевой, принцессой Елизаветой и ласкалъ маленькаго несчастнаго дофина. Послѣ смерти Людовика XVI, графъ Артуа увезъ Кристину въ Петербургъ. Императрица Екатерина оказала блестящій пріемъ принцу. Онъ уѣхалъ, а Кристинъ остался въ Россіи.

Прежде чѣмъ онъ поселился здѣсь окончательно, его постигло фантастическое приключеніе въ Швеціи, доказывающее, что онъ уже тогда имѣлъ сношенія съ русскимъ правительствомъ. Въ Стокгольмѣ онъ держалъ себя странно: злословилъ Россію, ненавидимую регентомъ, благодаря чему встрѣтилъ ласковый пріемъ, такъ что его—неизвѣстнаго иностранца—приглашали на придворные балы. На одномъ изъ этихъ

1) Урожденной Левашовой.

2) Кристинъ родемъ швейцарець. Онъ родился 11 сентября 1753 г.

баловъ Крестинъ какъ бы случайно толкнулъ молодого короля Густава IV и, будто извиняясь, шепнулъ ему на ухо: „Государь, васъ обманываютъ, васъ хотятъ женить на уродѣ; позвольте поговорить объ этомъ съ вами“. Король отвѣтилъ ему тихо: „У меня есть учитель математики, кавалеръ Сюрмэнъ, вашъ соотечественникъ; напишите мнѣ черезъ него“. Крестинъ представилъ меморандумъ, гдѣ онъ описывалъ красоту великой княжны Александры и выставялъ пользу семейнаго союза съ императрицей Екатериной. Когда король прочелъ эту бумагу, уже ничѣмъ не возможно было заставить его жениться на избранной для него принцессѣ Мекленбургской, горбатой и некрасивой. Никто не понималъ причины такого внезапнаго упорства, пока самъ король не проговорился и не навелъ регента на слѣды виновнаго. Тогда всѣ громы обрушились на него. Къ счастью для Крестина его предупредили, что на слѣдующій день его намѣреваются отправить въ рудники Далеккарліи. Ему удалось избѣгнуть этой ужасной опасности, бѣжать съ помощью англійскаго посла и вернуться въ Петербургъ, гдѣ, вскорѣ послѣ того, онъ, со смертью Екатерины, исчезъ съ политической арены. Переговоры о женитьбѣ молодого короля на великой княгинѣ Александрѣ совершенно не удались въ Петербургъ, но Императрица, тѣмъ не менѣе, щедро вознаградила секретнаго агента, который, принявъ награду, служилъ только потому, что императорская политика отвѣчала его собственнымъ убѣжденіямъ*). Онъ навсегда остался завзятымъ роялистомъ, несмотря на всѣ ошибки законныхъ государей, которыя онъ самъ первый признавалъ. Среди нихъ самой непростительной ему казалось казнь маркиза де Фавра. Въ 1816 г., когда уже всѣ съ трудомъ вспоминали, кто былъ маркизь де Фавръ, Крестинъ выражалъ убѣжденіе, что несчастья Бурбоновъ—справедливое возмездіе за непростительную низость, совершенную королемъ, предавшимъ ужасамъ революціи человѣка, преданнаго его дѣлу.

Послѣ восшествія на престолъ Императора Александра, добровольный изгнанникъ Крестинъ возвратился изъ своего имѣнія, гдѣ прожилъ время царствованія Павла I. Имъ снова завладѣла страсть къ приключеніямъ; ему было мало... И онъ поѣхалъ въ Парижъ съ своимъ другомъ Марковымъ, назначеннымъ туда посломъ. Такимъ то образомъ Крестинъ познакомился съ семьей Бонапарта, съ его сестрами, съ Жозефиной и Гортензіей; но онъ не отказался отъ своихъ принциповъ и оставался поклонникомъ графа д'Артуа. Это замѣтили, и съ этихъ поръ поли-

*) Онъ былъ прикомандированъ къ коллегіи Министерства Иностранныхъ дѣлъ и получилъ въ даръ 400 душъ въ Подольской губерніи (Мемуары Вигеля).

ція стала слѣдить за нимъ, и онъ, по совѣтамъ друзей, отправился въ Швейцарію. Тамъ его постоянныя сношенія съ г-жей де Сталь и политическимъ изгнанникомъ Коппэ повели къ домашнему аресту по приказанію преефекта Лемана.

Это было начало ужасныхъ преслѣдованій, которыя ему пришлось испытать въ Парижѣ, куда его перевезли. 29 августа 1803 г. его вызвали къ коронному судѣ и секретно посадили въ сырую камеру Тампля.

26 сентября приказано было посадить его въ башенку Латуръ, гдѣ съ нимъ обходились какъ съ самымъ опаснымъ преступникомъ. Онъ самъ рассказывалъ потомъ, что его окружали ловушками, чтобы добиться признаній, компрометирующихъ русское правительство. Ему постоянно внушали, что онъ покинуть послѣднимъ, и что особенно посолъ графъ Марковъ относится къ нему совершенно равнодушно, что на самомъ дѣлѣ было какъ разъ наоборотъ.

Крестинъ обнаружилъ непоколебимую вѣрность, несмотря на обхожденіе, достойное инквизиціи. Дошли даже до того, что разыграли сцену осужденія на смерть, чтобы ужаснуть его.

Въ ночь съ 28 на 29 февраля 1804 г. его внезапно перевезли въ тюрьму Сенъ-Пелажи и бросили въ темный карцеръ на снопъ соломы. Онъ опасно заболѣлъ, что не мѣшало держать его въ секретѣ и обращаться съ ними крайне сурово. 26 іюля его перевезли обратно въ Тампль, гдѣ остался до января 1805. Странное и любопытное обстоятельство: съ него не снимали допросовъ, но въ то время, какъ его перевозили изъ тюрьмы въ тюрьму, совершился рядъ неслыханныхъ насилій, самымъ знаменитыми жертвами которыхъ стали Кадудаль, Пишегрю, герцогъ Энгіенскій, Моро. Первый консулъ не сдерживалъ своей рѣзкости; на приѣмѣ въ Тюилери онъ грубо обратился къ покровителю Крестина, послу графу Маркову, намекая, что тайные русскіе агенты замѣшаны въ заговорѣ противъ него.

Когда въ Парижѣ почувствовали печальныя слѣдствія этого постояннаго нарушенія людскихъ правъ, эти строгости смягчились, и Крестинъ въ числѣ другихъ получилъ свободу по просьбѣ папы Пія VII. По выходѣ изъ тюрьмы, онъ получилъ приказаніе выѣхать съ французской территоріи, и въ Маѣ мѣсяцѣ онъ вернулся въ Петербургъ, увѣренный, что страданія, перенесенныя за русское дѣло, обезпечатъ ему лучшій

пріемъ. Но онъ не принялъ въ расчетъ предупрежденій императора Александра, возстановленнаго противъ него Лагарпомъ, его политическимъ-антагонистомъ, и въ Петербургъ встрѣтилъ лишь разочарованія. Но, несмотря на такую тяжкую несправедливость, онъ—удержанный хорошо извѣстной причиной—не вернулся во Францію при Реставраціи. Кромѣ того, теперь онъ не чувствовалъ разочарованія, не видя представителей принципа, за который онъ съ идеальнымъ самоотреченіемъ жертвовалъ собой.

За нѣсколько лѣтъ до своей смерти, когда Людовикъ Филиппъ былъ на престолѣ, Кристина писала Софіи Бобринской, предлагавшей ему напечатать его мемуары¹⁾: „Пока Бурбоны были на престолѣ, этого не допустили бы; теперь, когда они въ несчастьи, было бы низостью опубликовать, какими я видѣлъ ихъ во время эмиграціи. Въ то время я былъ близокъ къ нимъ, отдаваясь ихъ дѣлу, которое считалъ столь прекраснымъ, и ради котораго не разъ рисковалъ своею жизнью. ..Но я служилъ имъ и любилъ ихъ; нескоро я разочаровался въ нихъ, хотя съ той уже минуты, какъ началъ принимать участіе въ ихъ дѣлахъ, видѣлъ массу вещей, шокировавшихъ меня. Я замѣтилъ, что у нихъ,—у Людовика XVIII въ особенности,—фальшивость полагалась благо-разуміемъ: я видѣлъ, что можно ласкать до послѣдней минуты человѣка, смертный приговоръ котораго уже подписанъ...

Княгиня Софіи Бобринской завѣщала Кристинѣ многочисленныя письма княжны Туркестановой, сохраненныя имъ благоговѣнно, и въ то же время сообщилъ ей о причинѣ трагической смерти прелестной женщины, исчезновеніе которой омрачило послѣднія двадцать лѣтъ его жизни²⁾.

Его связь съ графиней де Брולי была не такого рода, чтобы утѣшить его въ подобной потерѣ. Съ Варей Туркестановой его связывали другіе интересы—интересы чувства и ума, дополнявшіе его существованіе. Съ другой стороны, и онъ имѣлъ большое вліяніе на ту, кто недолгое время пользовалась негласнымъ расположеніемъ самаго могущественнаго самодержца того времени. Долгая близость Кристина и княжны никогда не имѣла оттѣнка влюбленности, и письма этихъ двухъ людей, созданныхъ, чтобы любить другъ друга, указываютъ на глубокую нѣжность, безъ малѣйшаго оттѣнка исключительной галантности.

¹⁾ Письмо отъ 26 іюля 1831. Кристина умеръ въ 1837.

²⁾ Письмо отъ 5 іюля 1837.

Крестинъ былъ слишкомъ прямодушенъ, и у обоихъ были другія связи, исключая подобную игру. Княжна доводила даже отсутствіе кокетства до того, что совершенно откровенно говорила съ Крестинъ о своихъ физическихъ недомоганіяхъ. Она дѣлилась съ нимъ также своими нравственными страданіями, тѣмъ, что тяжело лежало у нея на душѣ, и въ чемъ почти невозможно было признаться, и—когда наступило время—своимъ отвращеніемъ къ Двору, откуда не могла уйти. Въ одномъ Крестинѣ она находила дѣйствительную нравственную поддержку среди искусственной атмосферы, гдѣ она страдала и сомнѣвалась, и гдѣ тщетно старалась придать мѣнѣ легковѣсное направленіе своей жизни. Напрасно пытался онъ удержать ее на опасномъ склонѣ; онъ чувствовалъ, что она ускользаетъ изъ подъ его вліянія, и тѣмъ не менѣе продолжалъ любить ее...

Когда все будетъ кончено, когда годы пронесутся надъ его горечью, онъ напишетъ во введеніи къ письмамъ незабвеннаго своего друга: „Я почувствовалъ, лишившись ея, пустоту, какую чувствуетъ отецъ, теряя внезапно, непредвидѣнно единственнаго ребенка“.

Вѣроятно въ княжнѣ было очень большое обаяніе, кромѣ чисто внѣшней привлекательности, что она пробуждала такіа горячіа чувства, будучи уже не первой молодости. Даже женщины страстно любили ее, между прочими, графиня Остерманъ, братъ которой „обожалъ“ ее, что не помѣшало ему, со временемъ, сдѣлаться ея врагомъ и стараться всѣми средствами вредить ей. Жена князя Бориса Голицына сходила съ ума по ней, съ тѣхъ поръ какъ княжна не жила у нея, и дѣлала ей сцены ревности, на которыя та жаловалась Крестину.

Княжна мало вѣрила выраженіямъ этой преувеличенной нѣжности. такъ же, какъ и проявленіямъ привязанности своихъ подругъ по дежурству при дворѣ, и была съ ними—за исключеніемъ молоденькой графини Самойловой¹⁾—всегда очень сдержана.

„При чрезвычайной наружной откровенности, я вижу очень многое“—писала она²⁾. Всегда сосредоточенная и ревниво хранящая тайну своихъ личныхъ страданій, она говоритъ: „Лучше меньше чувствовать

¹⁾ Въ послѣдствіи княгиня Софія Бобринская.

²⁾ Письмо отъ 26 февраля 1867 г.

жизнь, чѣмъ чувствовать ее слишкомъ глубоко. Фраза въ стилѣ М-ше де Сталь... Иногда очень тяжело жить только съ *самимъ собой*; я, отчасти, поставила себя сама въ такое положеніе, отчасти обстоятельства привели меня къ тому. Міръ смотритъ на меня положительно какъ на одно изъ тѣхъ сердець, осужденныхъ на вѣчное вдовство, о которыхъ упоминаетъ Шатобрианъ, на нравственное одиночество, и это въ то время, когда я сознаю, что одарена въ высшей степени способностью любить“.

Она писала эти слова передъ тѣмъ, какъ вполне вступила въ мутныя волны любви, которыя должны были ее погубить. Старалась ли она обмануть себя, или своего друга? „Честь женщины не можетъ походить на мужскую прямоту и ложь иногда является для нея тяжелымъ необходимымъ долгомъ“. Въ этой истинѣ ей пришлось съ грустью убѣдиться, такъ какъ, несмотря на свою женскую грацію и вкрадчивую мягкость, въ ней много гордости.

*

Чудное лѣто—восьмое при дворѣ—было поворотной точкой въ жизни княжны Туркестановой: ею увлекся Императоръ Александръ. На нее дѣйствовалъ не одинъ ослѣпительный престижъ царскаго вѣнца; она полюбила его искренне, но—странная судьба!—въ то же время, не въ силахъ подавить свой чувственный порывъ, она поддалась другой любви, ставшей причиной всѣхъ ея страданій и безумствъ. Она почти открывается Кристину въ своемъ увлеченіи: „...Дѣло вовсе плохо, мое тѣло опустошаетъ меня“....

Это очень важное признаніе относится,—если сравнить даты,—къ началу ея связи съ красивымъ офицеромъ, княземъ Владиміромъ Голицынымъ. Что касается Императора, онъ казался ей, не менѣе обольстительнымъ, и она пишетъ по поводу одного изъ его посѣщеній: „Никогда я не видала его такимъ красивымъ; онъ былъ въ сюртукѣ и фуражкѣ. Конечно, онъ одинъ изъ самыхъ красивыхъ людей на свѣтѣ“.

Княжна не преувеличивала; извѣстно, что любимый внукъ Императрицы Екатерины отличался очаровательной наружностью, изысканными манерами и, будучи въ свое время рѣшителемъ судебъ Европы, истощилъ все обаяніе власти и славы, обладая неудержимымъ стремленіемъ къ донъ-жуанству.

Онъ любилъ женское общество и постоянно находился подъ вліяніемъ какой-нибудь женщины, за исключеніемъ собственной жены. Вскружить головку хорошенькой и остроумной фрейлинь, казалось ему забавнымъ. Весьма занятый своею внѣшностью и туалетомъ, онъ охотно пользовался своими внѣшними преимуществами, чтобы покорять сердца своихъ многочисленныхъ поклонницъ. Эта слабость Августѣйшаго супруга была хорошо извѣстна Императрицѣ Елизаветѣ. Послѣ его смерти—закрывъ ему лицо—она написала матери нѣсколько трогательныхъ строкъ, полныхъ нѣжнаго, наивнаго чувства. „Я не хотѣла открывать его, это показалось бы мнѣ святотатствомъ. Онъ всегда такъ заботился о своей внѣшности; ему было бы непріятно, если бы увидали его настолько измѣнившимся“.

Но кромѣ обычнаго увлеченія флиртомъ, княжна Туркестанова привлекала Императора той глубиной чувства, той серьезностью въ взглядахъ, столь рѣдкими въ ея средѣ,—которыя сходились съ его настроеніемъ, часто задумчивымъ и печальнымъ, съ неизлѣчимой наклонностью къ меланхоліи—порожденной угрызениями совѣсти, поддерживаемой и возбуждаемой жестокой политикой Императрицы. Мать не давала ему успокоиться; между прочимъ, желая добиться отъ него чего-нибудь, она приводила его въ комнату, гдѣ бережно сохранялись окровавленные принадлежности ночного туалета Павла I¹⁾.

Князь Адамъ Чарторыйскій говоритъ о глубокой грусти своего царственного друга во время коронаціи: эта грусть иногда неопределимо овладѣвала имъ, и ей надо приписать странное вліяніе на него мистицизма г-жи Крюднеръ, даже въ наиболѣе счастливую пору его существованія: родъ отвращенія къ жизни. въ концѣ царствованія дошедшій до ипохондріи. Противорѣчія въ измѣнчивомъ характерѣ этого необыкновеннаго человѣка, которыя Наполеонъ называлъ живостью, еще до сихъ поръ не объяснены исторіей, и онъ остался, сѣдя въ могилу „непостижимымъ сфинксомъ“.

Княжна такъ рассказываетъ о первомъ сближеніи между нею и Императоромъ, вызванномъ случайнымъ обстоятельствомъ. „Въ теченіе восьми лѣтъ, что я при Дворѣ, мнѣ впервые пришлось обѣдать у Государя, т. е. на его семейномъ обѣдѣ. Въ прошедшую субботу онъ пригласилъ Оранскій дворъ, а слѣдовательно фрейлину Самарину и меня²⁾. Никогда онъ со мной не говорилъ до того времени; на этотъ

¹⁾ Приведено П. Бартевымъ въ Русскомъ Архивѣ.

²⁾ Княжна Туркестанова была временно назначена состоять при великой княгинѣ Аннѣ, только что вышедшей замужъ за принца Оранскаго.

разъ намъ пришлось перекинуться мелькомъ нѣсколькими словами. Послѣ обѣда онъ опять подошелъ ко мнѣ и разговаривалъ о разныхъ пустякахъ. Я вовсе не смутилась, такъ что говорила очень непринужденно и весело. Я нашла его любезнымъ, и если бы мнѣ приходилось часто встрѣчаться съ нимъ, какъ въ этотъ день, мнѣ кажется, я любила бы его до безумія“.

Впечатлѣніе было произведено на великаго человѣка, и повидимому, съ этого дня началось ухаживаніе, сначала осторожное и задерживаемое отсутствіями императора и безчисленными занятіями. Что же касается княжны, она видѣла окружающее черезъ розовую призму въ началѣ любовнаго опьяненія, въ которомъ, можетъ быть, не отдавала себѣ отчета.

„Наше пребываніе здѣсь“—пишетъ она,—„настоящее очарованіе; природа во всей красѣ, и Петергофъ дѣйствительно величествененъ... Прощайте, милый Крестинъ, будьте здоровы, любите меня и радуйтесь вмѣстѣ со мною, что мнѣ не восемнадцать, не двадцать лѣтъ: въ эти года мелкія знаки милости, оказанные мнѣ за эти дни, могли бы стать опасны для меня“.

Окружающіе скоро замѣтили положеніе вещей, особенно послѣ продолжительнаго разговора княжны съ Императоромъ по возвращеніи съ катанія по морю, о которомъ княжна остроумно рассказываетъ: „Говоря съ нимъ—замѣчаетъ она,—я наслаждалась удовольствіемъ, съ которымъ онъ слушалъ меня, и когда случайно взглянула на эту толпу, окружившую меня, лишь только онъ отошелъ, повѣрите ли—когда я въ одно мгновеніе оглядѣла всѣ эти физиономіи, мнѣ показалось, что всѣ эти люди видятъ меня въ первый разъ! Всѣ наперерывъ старались заговорить со мной, подойти ко мнѣ! Я еще теперь смѣюсь, вспоминая объ этомъ; но такъ уже ведется на свѣтѣ съ начала вѣковъ, съ тѣхъ поръ, какъ есть государи и придворные“.

Черезъ нѣсколько времени она возвращается къ этому животрепещущему вопросу.

„Сближеніе, начавшееся тогда, продолжается, и я, конечно, сумѣю поддержать его, потому что—не скрою отъ васъ—буду прилагать съ своей стороны всѣ старанія для этого. Клянусь вамъ, не будь этотъ человѣкъ государемъ, я бы очень желала нравиться ему, такъ какъ онъ мнѣ безконечно нравится“...

Флиртъ развивался...

„Лицо, любезно отнесшееся ко мнѣ, спросило меня, желаю ли я принять *его у себя*. Я отвѣтила, что это доставило бы мнѣ большое удовольствіе, но я знаю, что у другихъ фрейлинъ не бываютъ, и я не хочу выдѣляться. Лицо, пожелавшее, можетъ быть, меня нѣсколько помучить, сказало, что, очевидно, не внушаетъ мнѣ никакого довѣрія, а когда я собиралась отвѣтить, кто-то насъ прервалъ. Что вы думаете о сказанномъ мнѣ? И о моемъ отвѣтѣ? Признаюсь, я желаю этого посѣщенія, но не вызову его*)“.

Княжна сначала кокетничала, стараясь нравиться столько же искусствомъ туалета, какъ тонкостью ума, но скоро болѣе благородныя побужденія взяли верхъ: она пожелала воспользоваться пріобрѣтенной властью для добрыхъ дѣлъ, и когда во время посѣщенія государя, ей удалось оказать услуги двумъ достойнымъ особамъ, она писала: „только такія дѣла могутъ мнѣ помочь выбраться“. Очевидно недовольная собою, она прибавляетъ: „Я шлепнулась носомъ въ грязь... Какъ мы заблуждаемся относительно нашихъ силъ“... Несмотря на то, у нея была вспышка счастья на зарѣ ея романа. Торжествуя, она пишетъ Кристину тономъ веселой шутки: „ну, не смѣшной ли вы, право, человекъ, желая, чтобы я рассказывала вамъ о какомъ-то полонезѣ, который танцевали со мной, послѣ того, что я вамъ пишу объ этихъ посѣщеніяхъ.“

„Вы, совсѣмъ съ ума сошли!“

Ея вліяніе на непостояннаго Императора, можетъ быть, не было очень глубоко, но судя по разговорамъ о ихъ разговорахъ, продолжавшихся по цѣлымъ часамъ, при этомъ въ немъ проявлялось, все что было лучшаго.

*

1817 годъ слѣдовало особенно отмѣтить въ жизни княжны Туркестановой. Увѣренность въ милости государя вносила внутреннюю радость въ удовольствія и обязанности, связанныя съ ея положеніемъ. Она съ увлеченіемъ шла къ цѣли, участвовала въ спектакляхъ и восхищала зрителей Павловска своей красотой и артистическимъ талантомъ. До сихъ поръ ея отношенія къ Императору оставались, повидимому, чисто платоническими, но онъ все больше и

*) Свиданіе происходило въ Павловскѣ.

больше увлекался ею, вовсе не скрывая этого. Въ день ея именинъ онъ подарилъ ей свой портретъ въ формѣ камені, замѣчательно похожій, сопровождая его строками: „Celui que vous préférez. De la part de celui qui vous prèrère“.

Онъ принялъ обыкновеніе, обойдя дамъ, садиться возлѣ нея и не отходить до конца вечера. Но уже слѣдующею осенью ея мимолетное торжество было омрачено. Что ее смущало?

Охлажденіе того „кого она предпочитаетъ“? Показалъ ли ей это Александръ съ свойственной ему безцеремонностью, отъ которой жестоко пришлось страдать даже королевѣ?*)). Она,—одна изъ красивѣйшихъ женщинъ своего времени,—тоже питала иллюзію глубокаго и раздѣленнаго чувства.

Въ письмахъ княжны Тургестановой мало по малу начинаетъ звучать разочарованіе; сквозь общее отвращеніе къ придворной жизни „не дающей счастья, но мѣшающей искать его въ другомъ мѣстѣ“, проглядываютъ скрытыя страданія. Императоръ, столь жалостливый на словахъ, столь либеральный, какъ ученикъ своего бывшаго воспитателя Лагарпа, на дѣлѣ проявлялъ деспотизмъ, заставлявшій его скрѣплять своей подписью возмутительно-жестокія распоряженія своего злого генія Аракчеева. Его наслѣдственные инстинкты вспыхивали неожиданно, и тогда онъ такъ же мало щадилъ женщинъ, какъ мужчинъ, и ни одна изъ нихъ не была гарантирована отъ изумительныхъ вспышекъ „вѣчнаго странника“.

Несчастливая фрейлина, вѣроятно, предчувствовала неминуемый разрывъ, хотя послѣднее слово и не было еще произнесено; если тѣнь застигала настоящее, если облака собирались на горизонтѣ, ей еще долгое время можно было надѣяться....

Какъ всѣ природы чуткія и впечатлительныя она платилась за свою чрезвычайную деликатность преувеличенной душевной щепетильностью. „По моей роковой системѣ, или, скорѣе, по обѣщанію, данному мною Богу...“—пишетъ она.—И въ другомъ мѣстѣ: „Я постоянно обдумываю планъ ухода, утомленная до крайности всѣмъ, что вижу“.

*) Луиза, супруга Фридриха Вильгельма III, къ которой такъ дурно отнесся Наполеонъ. „Souvenirs de la grande Maîtresse de la cour“, m-me de Voss.

Императоръ Александръ сдѣлалъ несчастными всѣхъ женщинъ, которыхъ любилъ, а особенно тѣхъ, которыя любили его, начиная съ трогательной императрицы Елизаветы Алексѣевны. Единственное исключеніе составляетъ Нарышкина, но она не любила его и смѣло обманывала съ молодымъ гусаромъ-полякомъ, своимъ соотечественникомъ. Въ его характерѣ была такая двойственность, что новѣйшіе психологи*) даже приписывали ее физической аномаліи—мозговой болѣзни, однимъ изъ признаковъ которой была потребность къ постоянному передвиженію.

Наслѣдственность отца, конечно, могла имѣть значеніе, и ужасныя впечатлѣнія при вступленіи на престолъ могли быть причиной невропатіи. Вообще это была натура богато одаренная, особенно въ эстетическомъ отношеніи, но при плохо развитой волѣ,—слабость заставляла дѣлать ошибки, несовмѣстимыя съ его крупнымъ умомъ. Уже императрица Екатерина отмѣчала въ своей перепискѣ съ Гриммомъ этотъ недостатокъ. Совершенно непонятныя черты характера, какъ бы исключая другъ друга, не представляютъ затрудненія для современнаго медицинскаго анализа, и наличность психическихъ контрастовъ, полное отсутствіе мѣры, могли бы объяснить загадку противорѣчій и неожиданностей, которыми была полна жизнь этого столь же симпатичнаго, какъ несчастнаго человѣка.

Кн. Шаховская-Стрѣшневa.

*) Сикорскій, профессоръ Кіевскаго университета „Вопросы психологической невропатіи“. Кіевъ, 1901 г.